

... Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.
На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»
Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

Николай Гумилев
Ужас

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит...

А. Апухтин. Предчувствие

Женщина, нагнувшись, пытаясь разобрать цифры, набрала код и проскользнула в подъезд. Вбежала на третий этаж, невольно оглянулась и прислушалась.

Все было тихо. Дом спал.

Она взглянула на часы, было двенадцать пятьдесят семь.

Позже ей часто снились эти цифры: единица, двойка, пятерка и семерка. Тысяча двести пятьдесят семь...

Почему ночью? Что за нелепые фокусы? Она чувствовала злобу и тоску, ей казалось, что капкан захлопнулся и ей не выскочить. И сны в последнее время снятся...

Сбежать? Все бросить и сбежать? Куда? Некуда бежать.

Чего он хочет? Сказал, поговорить. Дурацкая, нелепая случайность...

О чем? О чем... Разве она не знает, что ему нужно? А что ему нужно было раньше? Что же делать? Что?

Она вдруг осознала, что стоит перед знакомой дверью, не решаясь...

Он сказал, ухмыляясь: «Ключик не потеряла?»

Откуда он знал, что она не посмела выбросить прокля-

тый ключ, что прятала его со всякими безделушками, этот проклятый золотой ключик. Как будто знала...

Она приложила ухо к двери и застыла, прислушиваясь. За дверью было тихо.

Она достала из сумочки ключ и попыталась вставить его в замочную скважину.

Ключ, скрежеща, скользил по замку — она никак не могла попасть в замочную скважину, так дрожали руки.

Как агнец на заклании, всплыла слышанная когда-то фраза. Агнец, заклание, конец...

Он испортил ей жизнь однажды, сейчас он сделает это снова. Капкан захлопнется.

Первый раз ей удалось вырваться, теперь он возьмет свое. Она, дуреха, думала, что вырвалась, но ошиблась. Она помнит свой ужас, когда неожиданно увидела его, помнит, как уставилась на него... Как удав на кролика! Потом мгновенное облегчение — он ее не узнал! А потом он позвонил и сказал...

Он смеялся! И она поняла, что он узнал ее! Узнал с самого начала, но играл, как кот с мышью, издевался, как раньше, как всегда. Даже то, что он заставил ее прийти ночью...

Она опустила руку в сумку и нащупала нож. Вскрикнула, уколотившись, отдернула руку, сунула палец в рот, почувствовав сладковато-соленый вкус крови. Кровь... как предчувствие. Бежать! От него не убежишь...

Ей удалось наконец открыть дверь, и она, снова оглянувшись, вошла.

В прихожей горел свет. Дверь в гостиную была распахнута, и там тоже горел свет.

Ждет гостей!

Она позвала его, но ей никто не ответил. Она остановилась на пороге гостиной, но войти не решилась. Там было

пусто. Ей было не по себе. Она снова позвала его, и снова ей никто не ответил. Она шла, вспоминая, где кухня. Возможно, он там.

Дверь в ванную комнату была раскрыта, свет горел и здесь. Она застыла на пороге, закрыв рот рукой, удерживая вопль.

Картина, представшая ее глазам, напоминала фильм ужасов. Мужчина лежал в кровавой ванне — запрокинутая голова, свисающая с края рука, красная лужа на белом коврике...

Она с трудом удержалась на ногах, чувствуя, как наливается чугунной тяжестью затылок, как с пронзительным визгом, причиняя нестерпимую боль, вонзается в виски сверло и меркнет в глазах. Она оперлась рукой о стену, чувствуя, как подкатывает тошнота. Закрыла глаза, пережидая приступ.

Очнувшись, метнулась к выходу, цепляя плечами стены, оступаясь и скользя на паркете; упала, ударившись виском о край тумбочки, и потеряла сознание...

...Она пришла в себя от холода. Она лежала на полу, ее колотил озноб. Из полуоткрытой входной двери тянуло ледяным сквозняком. С трудом она встала на колени и, цепляясь за стену, поднялась. Потрогала голову, почувствовала боль и отдернула руку.

В квартире по-прежнему было очень тихо и пусто. В тишине вдруг проступил мерный стук капли — где-то далеко капала вода... или кровь?

В сознании ее промелькнула картинка: человек с запрокинутой головой лежит в кровавой воде, торчащая рука, под ней красная лужа. В ушах стучало мерно и страшно...

Женщина выскользнула из квартиры — оглушительно хлопнула дверь, и она, вскрикнув, помчалась вниз...

Глава 1

Неистовость. Все проходит...

Велением судьбы я ввергнут в мрачный склеп,
Окутан сумраком таинственно-печальным...

Шарль Бодлер. Мрак

Его разбудил какой-то звук. Он открыл глаза — в спальне царил полумрак — и увидел низкий потолок с поперечной трещиной. Перевел взгляд на окно, прикрытое пестрыми шторами, через которые просвечивал неяркий утренний свет. Задержал взгляд на картине на стене напротив кровати — полуголые женщины, опахала из страусовых перьев, черные мальчишки-служки...

Он испытывал растущее чувство оторопи и недоумения. Повернул голову и отпрянул, из горла рванулся хриплый звук, не то ругательство, не то возглас изумления.

Рядом с ним лежала женщина. Он приподнялся на локте, чтобы рассмотреть ее, и застыл, резко втянув воздух, не веря глазам, чувствуя, как мерзким комом подступает к горлу дурнота.

Она лежала неподвижно, полуотвернувшись, с разброшанными в стороны руками, небрежно прикрытая, а вокруг — на подушке, простыне, брошенном полотенце — везде! — страшно краснели пятна...

Он сразу понял, что это кровь. Сел рывком, отодвинувшись на край кровати, не в силах отвести взгляд от ее тела, все еще не веря...

С ужасом заметил нож, полускрытый простыней, — в глаза бросилась прозрачная наборная из разноцветного пластика рукоятка. У него был такой же, с пружиной, подарок приятеля-сидельца; по молодости он иногда таскал его с собой, больше для понтов.

Он протянул руку, чтобы взять нож, но не решился, и рука застыла на полпути. Долгую минуту он тупо сидел с протянутой рукой; голова была тяжелой, в затылке и висках страшно и тяжело бил молот.

В нос вдруг шибанул сладкий, приторный запах крови, и едва он успел вскочить, как его стошнило. Мерзкая вонючая масса исторгалась наружу с кашлем и рычанием, из глаз лились слезы, и боль раздирала горло и грудь.

Закрыв глаза, держась за спинку кровати, он приходил в себя. Сердце било набатом, и ему казалось, что от ударов сотрясаются стены незнакомой и чужой комнаты.

Он охнул от внезапного резкого сигнала мобильного телефона, испытал страх почти животный. Серебристый аппаратик лежал на полу у комода, вереща и мигая, словно чей-то подсматривающий взгляд.

Мужчина смотрел бессмысленно и не шевелился. Потом взглянул на лежащую в кровати женщину, словно надеясь, что она проснется.

У него мелькнула мысль: кто звонит ей в такую рань? Или будильник? Мелькнула и тут же исчезла.

Он наткнулся взглядом на окровавленные тряпки, снова схватился за спинку кровати и закрыл глаза, пережидая вновь накатившую тошноту.

Телефон наконец заткнулся, и наступила жуткая тишина.

Он поспешно подобрал с пола одежду и на ватных ногах пошел из спальни. Не взглянув на женщину.

Она была ему незнакома. Спальня была чужой. Запахи жилья были чужими. Небогатая мебель, скрипящие половицы, пестрые шторы — все было чужим.

Он поспешно оделся и подошел к окну, пытаясь понять, где находится. Чужой двор был пуст, на лавочке у подъезда никто не сидел. Он прислушался — ему показалось, он слышит голоса. За стеной действительно бубнили голоса, не то жильцы, не то телевизор.

Он достал из кармана мобильный телефон, часы показывали десять минут седьмого. Нужно немедленно убираться! Еще немного, и народ потянется на работу.

Он почти не помнил, как попал сюда, не помнил, был ли на машине. Нет! Они приехали на такси! Да, на такси.

Вчерашний вечер, минуту назад стертый из памяти, возвращался кусками. Он опять перебрал и... сорвался? Ему нельзя пить. А кто... эта? Он был уверен, что никогда раньше ее не видел... Откуда она взялась?

Память возвращалась рывками. Он увидел картинку — высокая девушка с длинными светлыми волосами пытается выдернуть каблук из щели люка и взмахивает руками, чтобы не упасть.

Лица ее он вспомнить не мог. Только длинные светлые волосы. И голос. Она что-то сказала... кажется, чертыхнулась. Увидела его и попросила помочь...

Такая глупость, сказала, прямо капкан, не дай бог, сломался каблук!

Низкий, негромкий голос... Он не терпел женщин с фальшивыми детскими голосами.

Красивая. Так ему показалось.

У него мелькнула мысль, что надо бы вернуться и рассмотреть ее хорошенько или проверить документы, чтобы узнать, как ее зовут...

Может, она живая... Живая?

Он сделал шаг по направлению к спальне и остановился, вспомнив неподвижное тело, кровь...

«Убирайся», — приказал себе. Пока не вернулся... не вернулись... кто там с ней живет? Подруга? Тот, кто звонил? Пошел вон!

Он осторожно открыл входную дверь и прислушался.

На лестничной площадке было тихо. Через тусклое окно наверху пробивался неверный свет.

Он ступил через порог, осторожно закрыл за собой дверь и скатился вниз. Выскочил из подъезда и зашагал со двора под прицелами воображаемых враждебных взглядов, которые ощущал шкурой.

Он прошел несколько кварталов, никем не остановленный, не привлекая ничьего внимания.

Улица была ему незнакома — обычный спальный район. Народу было немного, и был он опухший и заспанный.

Он подумал, что ничем не выделяется, такой же опухший и несвежий, несмотря на дорогой костюм. Он попытался отряхнуть пиджак, только сейчас заметив пыль на рукаве, и увидел, что руки испачканы красным.

Потрясенный, он поднес их к глазам, не желая верить, надеясь, что ему кажется. Преодолевая приступ паники, он стоял на нетвердых ногах, держа перед лицом испачканные ладони, чувствуя тошнотворный запах крови, задерживая дыхание, чтобы прекратить спазмы в желудке.

Почти без сил он упал на скамейку в каком-то жалком сквере. Достал телефон, набрал номер.

Там откликнулись сразу.

— Роб, у меня проблемы, — с трудом выговорил он.

— Ты? Что случилось? Ты где?

— Не знаю. Улица Космонавтов, тут какие-то ремонтные мастерские...

— Космонавтов? — удивился тот, кого назвали Робом. — Как тебя туда занесло? Это же пригород! Что случилось?

— Роб, мне нужна помощь, — перебил он. — Можешь приехать? Я не хочу вызывать тачку. Тут сквер с фонтаном, рядом дом пятнадцать. Жду.

...— Я ничего не помню! — Носовым платком, намоченным в грязной воде бассейна, он снова и снова тер ладони, пытаясь оттереть кровь. — Я не помню, как мы добрались до ее дома, я не помню, как ее зовут... Помню только, что бармен вызвал такси, мы сели, и она сказала адрес. Проснулся утром, а она рядом в крови...

Они сидели в машине Роба.

— Подожди, что значит в крови? Ты ее избил? Или... что?

— Не знаю! — в отчаянии выкрикнул мужчина. — Не помню. Я перебрал вчера и, наверное, сорвался...

— Подожди. Ты видел нож или... что-нибудь? Может, она живая! Кто она такая?

— Не знаю! — В голосе мужчины звучало отчаяние. — Там был нож... кажется... Не знаю! Кажется, был... Я сразу ушел. Она была вся в крови и не шевелилась. Я даже не помню, как ее зовут!

— Давай вернемся, посмотрим, может, ничего страшного...

– Нет!

– Ладно. Я отвезу тебя домой, вернусь и посмотрю сам. Приведи себя в порядок. Я позвоню. Дверь заперта?

– Нет. Не знаю... Я просто прикрыл. Не помню... Что ты собираешься делать? – Они смотрели друг на друга. – Нас видели в баре, какие-то ее знакомые, и бармен ее знает. Она заговорила со мной на улице, у нее каблук застрял, я помог, и мы зашли в бар... там рядом. Мы пили коньяк и шампанское. Если она... если я ее...

– Давай без истерики, в случае чего мы были вместе, понял? Я все сделаю и сразу позвоню. Номер дома и квартиру помнишь? И приведи себя в порядок, – повторил.

...Он отпер дверь, почувствовав мимолетное облегчение – ключ и портмоне были на месте.

Квартира встретила его гулкой тишиной. Уже неделю он был один, Лена после очередного скандала уехала к матери.

Прямо в прихожей он стянул с себя одежду и сунул в пластиковую торбу, лежавшую на тумбе; отшвырнул торбу к двери, чтобы не забыть выбросить.

Босой, нагишом он отправился в кухню. Распахнул холодильник и достал бутылку водки. Стал пить, давясь и обливаясь, избавляясь от лишнего страха. Мгновенно опьянел и побрел в ванную...

До вечера он пробыл в бессознательном тяжелом забытьи, между сном и явью; открывая иногда глаза, он видел над собой покачивающийся потолок. В желудке начинала царапаться голодная кошка, и он закрывал глаза.

Мысли были короткие, отрывочные, сквозь них как

заклинания прорывались отдельные слова и фразы: со-
рвался, сошел с ума, попался на крючок, Пашка отмазал,
опять...

В случае чего... что делать? Снова лечиться? Жрать
сладковатые розовые таблетки, от которых выворачивает
наизнанку? Или чего похуже? Второй раз не сойдет с рук...

Роб позвонил поздно ночью.

— Спишь? — спросил.

— Что, — выдохнул он, — говори!

— Все в порядке. Ты был у меня со вчерашнего вечера.
Перепили, и ты остался ночевать. Утром я отвез тебя
домой.

— А... — начал было он и зашнулся.

— Все в порядке, — повторил Роб. — Слышишь? Вы-
дохни. Вольно. Потом расскажу. Устал. Спокойной ночи.

Только сейчас он перевел дух и почувствовал, что го-
лоден. Нашел в холодильнике мясо и сыр, достал из хлеб-
ницы черствый хлеб. Стал жадно глотать, не жуя, чувствуя,
как отпускает внутри туго сжатая пружина и накатывает
полуобморочное ощущение эйфории.

Роб все сделал. Роб надежный друг. Они вместе с дет-
ства, он не подведет.

Он поднял с пола пустую бутылку, потряс, «выжал» пару
капель и чертыхнулся.

Ленка уничтожила все запасы, дрянь! Вылила в рако-
вину. Воспитывает.

Он сжал кулаки: убить мало! Вспомнил, что в прикро-
ватной тумбочке, кажется, есть что-то. Коньяк!

Снова пил торопливо, обливаясь и захлебываясь. По-
том свалился в кровать и уснул мертвецким сном...